

нравственным императивом, выполняя который он приобретает навыки самоограничения своих эгоистических желаний, вследствие чего появляется возможность быть понятым своими сверстниками. На этом основании нравственное формирование личности можно рассматривать, как поэтапное присвоение индивидом коллективистских потребностей в сотрудничестве и солидарности со сверстниками, родственными по нравственным идеалам и целям.

Поэтому при глубоком анализе нравственного становления личности необходимо основное внимание уделять выявлению сензитивных новообразований, связанных с формированием чувства коллективизма. С этой точки зрения в предложенной нами схеме поэтапного нравственного развития индивида на первом этапе – этапе элементарной нравственности или нравственного подражания – у личности формируется потребность в общении и сотрудничестве, на втором этапе – этапе выработки внешнего регулятора действий – появляется потребность в солидарности, взаимной поддержке со стороны сверстников, основанной на общности целей, а на третьем этапе – этапе нравственного саморегулирования – формируется чувство коллективизма, основанное на осознании соотнесенности общественных и личных интересов и присвоении личностью общественных интересов, способствующих человеческому прогрессу.

Действительное богатство общества в основном определяется тем, что вложено в личность. Реального успеха в развитии общества можно добиться лишь тогда, когда будет обеспечен успех в индивидуальном развитии. Поэтому своевременно выявить задатки ребенка и сензитивность к различным видам деятельности, развить все сущностные силы на основе современных научных педагогических методик индивидуализированного обучения – задача современной школы, как средней, так и высшей.

РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭЗИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА КАК ФОРМА ПОЗНАНИЯ СУЩНОСТИ БЫТИЯ И ЧЕЛОВЕКА

Липич Т.И.

к. филос. н., доц. БелГУ, Белгород,

Липич В.В.

д.ф.н., проф. БелГУ, Белгород

В последнее время в России усиливается интерес к русской философской поэзии. В ней современная философская мысль ищет ответы на вечные вопросы человеческого бытия, нравственных ценностей и духовных основ собственной сущности. Человек издавна стремился в образно-эмоциональной форме осветить сложнейшие вопросы бытия. В этом отношении философская поэзия служила как бы предтечей зарождающейся философской мысли. Один из талантливых представителей русской философской поэзии – Дмитрий Веневитинов справедливо отмечал: «Истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом

просвещения»¹

К началу XIX в. в России сложилась прочная национальная традиция рассматривать литературу не как чистое развлечение или отражение событий личной и государственной жизни, а как форму размышлений о мире, о смысле жизни, о человеке. Такое философское насыщение произведений литературы во многом определялось центральной проблемой духовной жизни России – поисками путей освобождения личности, пробуждения человеческого в человеке. Разнообразные по форме философские сочинения, как теоретические, так и поэтические, в равной мере отвечали на запросы жизни и отражали главные национальные потребности, основную из них – освобождение человека, раскрепощение личности. Говоря словами современного поэта, «поэт в России больше, чем поэт». Но и философ в России – не кабинетный затворник. Не случайно все основные философские сочинения XIX в. публиковались в литературных журналах – «Московском телеграфе», «Современнике», «Отечественных записках», «Русском слове», «Вестнике Европы». В этих же журналах печатались и лучшие образцы русской философской поэзии.

На пересечении двух линий – философии и литературы родился удивительный феномен национальной культуры – философская поэзия, которая однако тоже не дает окончательных решений и формул. Философское осмысление человеком мира и самого себя – это всегда поиск, это средоточие противоречивых суждений. В подлинно философской поэзии воплощается сократовская идея о мучительном рождении истины в споре, в столкновении взаимоисключающих мнений. Как ни одна другая разновидность поэтического творчества, философская поэзия рассчитана на восприятие читателя, прямой контакт с ним, на взаимопонимание, которое, как это показал М. Бахтин, всегда диалогично. «Осознание самого себя, – писал он, – все время ощущает себя на фоне сознания о нем другого, «я для себя» на фоне «я для другого».² Философская поэзия воплотила совершенно особое восприятие мира, не укладывающееся в тесные рамки строгого логического осмысления познания. Интуитивно, силой художественного отображения и предчувствия она, преодолевая видимость явлений, их внешнее обличье, проникала в глубь процессов, совершающихся во Вселенной.

Конечно, философские системы с их категориальным аппаратом, с их абстрактно-логическими принципами и выводами не могут восприниматься в поэзии буквально, механистически. Философия и поэзия при всей возможной близости внутреннего содержания в качестве формы воплощения духовного мира человека, осознания самого себя и своего места в жизни, в мире принадлежат к разным граням духовной жизни и духовного опыта. Не говоря уже о специфике языка, средств выражения идей, различие идет гораздо глубже – образно-метафорическая, чувственно-осязаемая природа поэтического отражения мира находится в иной плоскости, нежели философия с ее

¹ Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. – М., 1980. – С. 131.

² Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. – М., 1963. – С. 277.

установкой на рациональное, логическое обобщенное постижение мира, его связей и законов. Поэзия может быть предельно абстрактной, рассудочной, философский текст может быть образным, воспроизводящим эмпирическое восприятие мира, и тем не менее принципиальные различия между двумя формами общественного сознания, между искусством и философией, до конца не исчезают, не стираются.

Философская поэзия бесконечно многообразна и по своей тематике. В ней прослеживается идущая от М. Ломоносова, А. Пушкина к А. Блоку, В. Брюсову, А. Ахматовой, О. Мандельштаму, Б. Пастернаку, А. Твардовскому, А. Тарковскому идея апологии разума, его светоносной силы, пронизывающей мглу и хаос. Это может быть ода и послание, сонет и лирическая миниатюра, размышление над библейским текстом или природным явлением. Многообразие, многоцветие русской философской поэзии проявляется и в чрезвычайном богатстве спектра образных систем, поэтического языка.

Исследователи философской поэзии (Р. Спивак, Г. Филиппов, А. Павловский) выделяют в ней следующие разновидности: натурфилософскую, социально-философскую, нравственно-философскую.

Трудно не согласиться с выводом Е. Маймина о том, что термин «философская поэзия» неустойчив, подвижен по своему значению и, взятый сам по себе, вне исторического контекста, в достаточной мере условен.¹ Эта условность напрямую детерминирована закономерным изменением представлений о содержании предмета философии, о ее границах, а также степенью постижения и трактовки творчества тех или иных поэтов.

Философская поэзия, во всяком случае в России, должна рассматриваться как особая сфера философствования, как один из истоков отечественной мысли, как равноправная с теоретической философской мыслью форма познания сущности бытия и прежде всего человека. Своеобразное выражение предчувствий, предсказания, высказывание того, что подчас в официальной «ученой» философии не может быть выражено; превращают философскую поэзию не только в область философствования, но и в сферу духовной культуры, как бы соединяющую общее и отдельное, философские идеи с индивидуальным духовным миром человека, его мироощущением. Русская философская поэзия выступала как форма неофициальной, внеуниверситетской философии, она выражала идеи, которые далеко не всегда становились объектом академической философии. Так было в середине прошлого века, когда именно в философской поэзии поднимались глубочайшие вопросы бытия, духовного мира человека, которые подчас игнорировались в ожесточенной полемике радикалов и консерваторов.

В философской поэзии решались не только специфические для литературы задачи, но ставились и отражались более широкие, общемировоззренческие проблемы.

Традиционная для литературы тема «человек и природа» трансформируется в философской поэзии в более широкую – «человек и мир,

¹ Маймин Е. А. Русская философская поэзия. Поэты-любомудры: А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. – М., 1976. – С. 3.

человек и космос». Интерес к месту человека, во Вселенной, его связи с космосом, к проблеме человека перед лицом вечности, человека как представителя всего человечества прослеживается в русской поэзии с начала XIX в. (Ф. Глинка, Ф. Тютчев, Е. Баратынский, А. Фет).

Классификация русской философской поэзии должна быть дополнена и религиозно-философским аспектом. Диапазон его поэтического отражения необычайно широк – от атеизма и деизма до глубокой искренней религиозности. В этом диапазоне существуют разнообразные философско-религиозные феномены: традиционное православие, пантеизм, деизм, различие официальной обрядовой, культовой религиозности и чистого, евангельского христианства, разнообразные формы мистики. Обращение к религиозным формам, к религиозной мифологии и символике могло выражать значительное философское содержание – проблему соотношения знания и веры, познаваемости мира, основ нравственности, вопрос о деянии и воздаянии, о границах свободы духа, о смертности и бессмертии человека.

Философская поэзия обладает особым даром в предельно концентрированной форме, конкретнее, глубже, чем теоретическая философия, выразить социальное время – сущность эпохи, общие черты философии истории, соединив при этом общее с отдельным, без чего нет вообще искусства, в том числе и философской поэзии.

Таким образом, русская философская поэзия при всем своем тематическом и жанровом многообразии представляет собой определенное единство, целостную систему, основанием которой выступает преемственность времени в его человеческом измерении. Это связано с глубоко личным восприятием исторического процесса развития России, тревогой за судьбы человека. «Не странно ли все-таки, – прозорливо писал Александр Блок, – что об одном и том же думали русские люди двадцатых, тридцатых, сороковых... девяностых годов и первого десятилетия нашего века?». ¹ Вопросы, поставленные философской поэзией, продолжают занимать людей и в начале XXI в.

Гегель называл философию эпохой, схваченной в мысли. Эта гегелевская формула в полной мере с учетом своеобразия формы отражения и выражения состояний сознания может быть обращена к философской поэзии с ее особым чувством времени. Действительно, русская философская поэзия XVIII в. передала чувство восторга человека, пораженного величием Вселенной, гармоничностью законов ее существования, открывающихся ему вопреки религиозным, официально-политическим, другим идеологическим завесам.

Новый взлет философской поэзии, пришедшийся на 20-е гг. XIX в., был связан не только с универсальным гением А. Пушкина, но и с философски ориентированным творчеством Любомудров и прежде всего талантливейшего Д. Веневитинова. Он, как и поэты его круга, отразил потребность времени – осознание личностью самое себя на национальной почве, в условиях пробуждения и формирования русского национального самосознания. То, что

¹ Блок А.А. Собр. соч.: В 8-ми т. – М.; Л., 1962. – Т. 5. – С. 490.

этот процесс в философском плане осуществлялся (как и позднее в творчестве славянофилов) на основе немецкой классической философии, прежде всего шеллингианства, не ослаблял его глубокой укорененности в отечественной почве.

Ощущение призрачности, непрочности человеческого бытия, предчувствие будущих бурь, раскаты общественных потрясений середины XIX в. – все это отразилось в творчестве Ф. Тютчева, выразившего с трагической силой раздвоенность личности, ее стремление найти в природе опору человеческого существования. Самые, казалось бы, далекие от непосредственной злобы дня философские стихи Ф. Тютчева запечатлели сущность своей эпохи. Лирика Тютчева – одно из вершинных явлений русской философской поэзии и русской поэзии вообще. Почти во всех стихах Тютчева заметна установка на философскую мысль. Более того, подобно философским стихам Любомудров тютчевские стихи, рассмотренные как целое, заключают в себе относительно законченную концепцию. У Тютчева это в первую очередь пантеистическая концепция мира.

В момент поэтического «прозрения», в процессе творчества, ему действительно, «как истина», открывается жизнь во всем:

**Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.
Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы
Избытком жизни упоен...¹**

Эта поэтическая в основе вера Ф. Тютчева в жизнь природы и ее духовность, естественно, порождает и очеловечивание природы в его стихах. Понятие о живом и духовном заключено, прежде всего, в человеке. Живое и духовное для поэта – это всегда подобное человеку. Очеловечивание природы у Тютчева не просто поэтический прием, а выражение внутреннего, поэтического сознания.

Вслед за Тютчевым черты разорванного трагического мироощущения, поиски опоры духа в вечной и прекрасной природе, так контрастирующей с бренностью человеческого бытия, выразил в своей философской лирике А. Фет.

Таким образом, философское направление для русской поэзии второй четверти XIX в. было живым, реальным и значительным фактом, который оказал сильнейшее воздействие на ход и развитие литературы того времени.

Возникновение философского направления в русской поэзии второй четверти XIX в. является историческим фактом, значение которого выходит за рамки одной только поэзии. Установка на интенсивность поэтического познания мира и человека, на углубленный психологизм – эти отличительные черты произведений философских жанров того времени – были в высшей степени закономерными для общих тенденций литературного развития. То, что

¹ Тютчев Ф.И. Лирика: В 2-х. – М., Наука, 1965.

поэзия Пушкина и Тютчева и других поэтов-философов проникала во внутренний мир человека, интересовалась его таинственными глубинами, «диалектикой души», предвещало будущие великие открытия в русской прозе. Между философской поэзией первой половины XIX в. – в первую очередь, поэзией А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева – и психологическими романами и повестями Л. Толстого и Ф. Достоевского существует самая тесная внутренняя связь: это явления единого историко-литературного процесса.

Основными критериями для характеристики тех или иных поэтических произведений как философских являются следующие.

Во-первых, проявление в них истинно философского ядра – размышления о взаимодействии, взаимоотношении идеального и материального, духовного и природного, субъекта и объекта, вечного и смертного, божественного и земного. Эти размышления могут выступать в различных модификациях, определяемых характером эпохи, токами, идущими от философских идей времени, естественнонаучной картиной мира, степенью участия религии в духовной жизни народа.

Но во всех случаях это онтологическое начало – характерная черта и неотъемлемый признак философской поэзии.

Во-вторых, это диалогичность, вовлечение читателя в сам процесс размышления, обнаружение невидимого. В сферу подлинно философской рефлексии попадают проблема времени, его творческой и разрушительной сущности, его необратимости, тема неизбежности личной смерти и бессмертия, вечной жизни духа, народа, человечества. Само приобщение к этим общечеловеческим темам, преодоление «дурной бесконечности» эмпирических частных имеет большую гуманистическую ценность. Такой подход – путь к познанию скрытого внешними, случайными чертами. Иначе говоря, приглашение читателя к активному поиску истины. Эти критерии не носят нормативного характера и могут быть дополнены.

Философское направление в русской поэзии имеет значение не только для истории литературы, но и для истории философии. Русская мысль всегда отличалась сильной непосредственностью и импульсивностью: она особенно тесно была связана с жизнью. Не удивительно, что отвлеченным построениям она часто предпочитала живую плоть поэтического образа. Именно потому в развитии оригинальных философских идей в России поэтическая мысль играла роль, во всяком случае, не меньшую, нежели мысль научная и прямо философская. Поэзия в определенные времена и при определенных условиях тоже может стать философией, стать мудростью высокого и общего значения. В русской жизни она нередко бывала ею.